

Социология «градов» Л. Болтански и Л. Тевено и «режимы вовлеченности» в капитализм

БОЛТАНСКИ Л., ТЕВЕНО Л. (2013). КРИТИКА И ОБОСНОВАНИЕ СПРАВЕДЛИВОСТИ: ОЧЕРКИ СОЦИОЛОГИИ ГРАДОВ / ПЕР. С ФРАНЦ. О. В. КОВЕНЕВОЙ ПОД НАУЧ. РЕД. Н. Е. КОПОСОВА. М.: НОВОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРЕНИЕ. 576 С. ISBN 978-5-4448-0079-9

Екатерина Наумова

Кандидат философских наук, ассистент кафедры онтологии и теории познания
Санкт-Петербургского государственного университета
Адрес: Университетская наб., д. 7-9, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация 199034
E-mail: naumova11@inbox.ru

Прагматическая социология — это социология «после Бурдьё», где наиболее яркими именами считаются Люк Болтански и Лоран Тевено, а наибольшую известность обрела акторно-сетевая теория Бруно Латура¹. В российской гуманитарной науке труды данных мыслителей стали доступны широкой публике достаточно недавно, в случае Л. Болтански — с выходом его в соавторстве с Э. Кьяпелло книги на русском языке «Новый дух капитализма» в 2011 году, в случае Л. Тевено — совсем недавно, в 2013 году, была переведена его совместная с Л. Болтански работа «Критика и обоснование справедливости». Именно она и будет в центре нашего рассмотрения.

Для ответа на вопрос, в чем состоит специфика социологии Болтански и Тевено, можно обратиться к разъяснению, которое дают сами авторы: «Наш труд посвящен анализу взаимоотношений между согласием (accord) и разногласием (discordie)» (с. 57). Поиск путей достижения согласия и избегания разногласия — вот вкратце та цель, ради которой авторы создают свою социологию.

Как уже было сказано выше, Тевено и Болтански — родоначальники прагматического поворота в социологии, который характеризуется тремя чертами: 1) переходом от анализа классов и групп к анализу ситуаций; 2) вниманием к вещам; 3) отказом от критической позиции². Болтански и Тевено констатируют тот факт, что в социальных науках в теоретико-методологическом плане мы сталкиваемся с двумя непримиримыми позициями: социологическим подходом (анализ коллективности) и экономическим подходом (анализ индивидуальности). Авторы сомневаются в эффективности социологии коллективных фактов Дюркгейма, утверждая с отсылкой к работам Лангуа и Сеньобоса, что «Социальный факт... есть философская конструкция» (с. 60), но также расходятся и с теорией рыночной

© Наумова Е. И., 2014

© Центр фундаментальной социологии, 2014

1. *Латура Б.* (2013). Наука в действии / Пер. с англ. К. С. Федоровой. СПб: Изд-во ЕУСПб.

2. *Волков В., Хархордин О.* (2008). Теория практик. СПб: Изд-во ЕУСПб. С. 228–231.

экономики, связанной с понятием «рыночного блага». Они выдвигают достаточно радикальный тезис о том, что матрицей для социологии и экономики послужили концепции политической философии. Противостояние этих двух наук мнимо, так как в логике, социологии и экономики есть объединяющий элемент, а именно структура общего высшего блага (общий высший принцип/отдельный индивид), которое трансформируется в позитивный закон. Это значит, что обе науки доказывают реальность форм согласия между людьми либо на основе коллектива (социология), либо на основе рынка (экономика). Однако, как отмечают авторы, формы согласия, которые описывают эти две науки, изобретены отнюдь не ими. Согласие как общее благо, справедливо примиряющее коллективизм и индивидуализм, было обосновано еще в трудах политических философов начиная с античных времен. Проблема же экономики и социологии заключается в том, что они воспринимают общее благо как естественный закон, в результате чего формы и способы достижения согласия выпадают из поля их рассмотрения. Тогда как согласие как общее благо всегда находится в ситуации оспаривания и конфликта, подвергается испытанию на прочность через различные способы обоснования справедливости. Тевено и Болтански утверждают, что в основе проблемы необходимости достижения общего блага лежит более основательная метафизическая проблема отношения общего и частного, которая нашла свое решение в виде формулирования общих принципов справедливости в трактатах политических философов. Они считают, что всеобщие универсальные принципы справедливости укоренены в сегодняшнем мироустройстве и современному ученому необходимо «быть внимательным к разнообразию форм обоснования справедливости» (с. 37). Болтански и Тевено рассматривают политическую философию не как продукт исторической эпохи, а как своеобразные политические грамматики, определяющие характер связи между людьми и между людьми и вещами. Иными словами, они определяют политическую философию как источник легитимного порядка. Выдвигая данный тезис, авторы, на мой взгляд, конструируют новый тип социологии, которая занимается изучением операций обоснования справедливости (не *justice*, а *justification*) в современности через анализ споров политической философии по поводу законов, лежащих в основании общественного мироустройства. В противовес концепции Дж. Ролза, который изучает абстрактную проблему справедливости (*justice*)³, Болтански и Тевено занимаются практиками проверки и установления доверия. Таким образом, отношения философии и социологии можно охарактеризовать как отношения между законами и социальными практиками их применения. Социология должна стремиться к «динамическому реализму», т. е. заниматься «рассмотрением действия в его отношении к неопределенности» (с. 45). Наиболее приемлемый метод при таком подходе — наблюдение, так как в фокусе исследования социологов оказываются «ситуации, в которых привычный порядок вещей подвергается сомнению или критикуется» (с. 45). В ходе своих

3. Ролз Дж. (2010). Теория справедливости / Пер. с англ. В. В. Целищева. М.: ЛКИ.

экспериментов Тевено и Болтански обнаружили, что квалификационные суждения респондентов зачастую носят настолько разнообразный и непредсказуемый характер, что любые предваряющие классификации просто неприменимы⁴. Все дело в том, что высказываемые суждения людей при попытках обосновать свое отношение к реальности, не вписываются в сконструированные наукой категории класса, более того, сами люди не склонны к классифицированию как способу определения отношений между собой и миром.

Вкратце осветим социологию «градов», предложенную Л. Болтански и Л. Кьяпелло. Авторы отмечают, что в современном обществе можно выделить шесть «градов», в основе которых лежат принципы величия, в соответствии с которыми определяется положение человека в каждом из миров. Это мир «вдохновенный», где величие человека определяется его безоговорочным и добровольным принятием божественной благодати (Августин. «О граде Божьем»); мир «патриархальный», где степень величия связана с принципом иерархии («Политика» Бюсюэ); мир «репутационный», где величие человека зависит от мнения других (Гоббс. «Левиафан»); мир гражданский, где степень величия определяется способностью выразить общую волю («Общественный договор» Руссо); мир рыночный, где степень величия определяется успехом на рынке («Богатство народов» Адама Смита) и мир «индустриальный», где степень величия определяется производственной эффективностью («Индустриальная система» Сен-Симона). Согласно авторам, каждый из нас одновременно существует в нескольких (или даже во всех) мирах и постоянно подвергается испытаниям, попадая в ситуацию конфликта. В конфликтных ситуациях мы можем прибегать к аргументам обоснования справедливости из разных миров, однако каждый мир держится на определенном наборе вещей, вовлечение которых в ситуацию в качестве доказательной базы служит «железным аргументом». В отличие от того, что человек существует сразу во множестве миров, набор вещей, определяющих тот или иной град, постоянен. Возникающая в ситуации испытания необходимость обоснования справедливости и отсылка к вещам града для подтверждения своей позиции способствуют поддержанию или увеличению степени величия человека в каком-то одном или сразу в нескольких градах, что снижает число конфликтных ситуаций как внутри града, так и между градами. Болтански и Тевено пишут: «В испытании люди должны прийти к согласию по поводу относительного значения людей и вещей, вовлеченных в ситуацию» (с. 80). Нам необходимо добиться слаженности ситуации, которая предстает как справедливая и благоприятная, обеспечивающая удобство жизни людей и вещей.

Наибольший интерес представляет собой концепция нового, седьмого, «града», сформировавшегося после 1968 года, который носит название проектного. О предложенном к рассмотрению «граде» ведется речь в вышедшей позже, но переведенной на русский язык раньше книге Болтански и Кьяпелло «Новый дух капитализма»⁵. Авторы отмечают, что проектный «град» возник как компромисс

4. Волков В., Хархордин О. (2008). Теория практик. СПб: Изд-во ЕУСПб. С. 226.

5. Болтански Л., Кьяпелло Э. (2011). Новый дух капитализма. М.: НЛО.

между гражданским и промышленным «градами» в результате обоснования справедливости такого общего блага, как свобода, которую обретет каждый, будучи включен в капитализм. Способствовала формированию проектного града художественная (град вдохновения) и экономическая (рыночный град) критика. Формирование проектного града положило начало новому корпоративному духу капитализма, который возник в результате компромисса между «патриархальным» и «рыночным» мирами. В итоге вся левая критика капитализма периода 1960–1970-х годов и вплоть до сегодняшней была сведена авторами к новым режимам обоснования справедливости вовлеченности в седьмой проектный град, где воплотились принципы постфордистского капитализма. Болтански и Кьяпелло на эмпирическом материале доказали, что критика (как один из способов философского подхода к вопросу капитализма) неэффективна и нужно искать другие пути применения философии для анализа капиталистической системы. В этом отношении исследование режимов вовлеченности (последнее из направлений исследования Л. Тевено) людей и вещей как подвижной структуры (от модуса близости к плановому применению)⁶ может помочь нам обесценить обоснование справедливости проектного града и послужить источником конструирования нового компромиссного града. «Режимы вовлеченности» как новая сфера исследования Тевено интересна тем, что в отличие от социологии «градов», которая работает с публичными спорами и конфликтами, социология вовлеченности изучает ситуацию, предшествующую конфликту, когда напряженность и неудовольствие проявляются в скрытой форме (например, человек перестает отвечать на ваши письма, звонки и т. д.). В концепции «режимов вовлеченности» большую роль играют вещи, которые формируют пространство близости между людьми, тем самым создавая сферу приватного. Люди обмениваются, дарят, передают во временное пользование свои вещи совершенно по-разному в зависимости от степени близости: например, «знакомый — приятель — друг — близкий друг — сексуальная близость»⁷. Более того, «режимы вовлеченности» помогают рассмотреть так же и степени близости между человеком и вещью, что еще интереснее, потому что провоцирует исследовательский вопрос «что может являться вещью, если все есть товар в условиях капитализма сегодня?».

Капитализм и прагматическая социологии соотносятся через вещь и режимы вовлеченности. Прояснить эту связь можно посредством ответа на вопрос: «Обладают ли вещи в условиях современного капитализма „духом“?»? И если ответ положительный, то изучение «духа» вещей современного общества в условиях капитализма может быть предметом для исследования. Тезис, который можно сформулировать исходя из этого, следующий: режимы близости с «одохотворенными» вещами способствуют ограничению потребления, потому что человеку проще обходиться любимыми, старыми вещами, поскольку он привык ими «поль-

6. Хархордин О., Ковалева А. (2009). Градации близости в современной российской дружбе // Дружба: очерки теории практик. СПб: Изд-во ЕУСПб. С. 48–81.

7. Там же. С. 72.

зоваться». Долгое использование вещи учитывает встроенную в вещь моральность, таким образом, использование вещи в режиме близости может послужить обоснованием справедливости для не-включения человека в капиталистическую систему потребления и накопления. Более того, создание условий максимизации режимов близости вещей и людей может практически подорвать развитие капитализма как экономической системы, в то время как обратный процесс (минимизация режимов близости вещей и людей) — способствовать еще большему росту потребления и накопления. В силу того что режимы близости связаны с модусами публичной и приватной вовлеченности, максимизация режимов близости вещей и людей может способствовать созданию частной/приватной сферы, а более точно — пространства собственности на мир (в терминах Бибикина⁸) как места возможного сопротивления капиталистической системе отношений. В поддержку этого тезиса стоит привлечь понятие «собственность» Ханны Арендт из ее работы «*Vita Activa*». Автор различает понятия «собственность» и «владение». Она пишет о том, что именно с ситуации отнятия собственности и начался капитализм, когда в Новое время представители высших слоев населения лишали собственности представителей низших слоев, что и послужило толчком к бесконечному процессу накопления капитала. Тогда, как отмечает Арендт, собственность перешла в статус имущества, а отношения (ис)пользования вещи трансформировались в отношения владения товаром. В то время как в республике (греческой и Римской традиции полиса) собственность понималась как родовое место в мире, обитель тайны, место рождения и смерти, таинство конца и начала жизни⁹. Применительно к нашему случаю мы можем добавить — таинство конца и начала (ис)пользования вещи — вот что такое собственность сегодня.

Нам представляется, что анализ условий формирования режимов близости вещей и людей поможет выделить категории близости, которые дадут возможность определить сферу приватного в современном обществе, в которой формируется процесс сопротивления нынешней капиталистической системе. В связи с этим будет интересно узнать, какова история развития отношений близости вещей (или «облаков вещей», в терминах Болтански и Тевено) и людей в ситуации, когда вещь не может быть заменена другой (аналогичной) вещью из массы товаров, которые предлагает капитализм. В таком случае модусы вовлеченности будут распределены следующим образом: максимизация режимов близости людей и вещей формирует модус приватной вовлеченности — и будет определена как собственность, тогда как минимизация режимов близости людей и вещей будет определяться как режим планового действия, которая формирует модус публичной вовлеченности — т. е. капитализм. Можно позволить себе перефразировать поговорку в ситуации максимизации режимов близости человека и вещи: «Если незаменимых людей нет, то незаменимые вещи есть». Что нам даст знание о том, с какими ве-

8. Бибикин В. В. (2012). Собственность. М.: Наука.

9. Арендт Х. (2000). *Vita Activa*, или О деятельной жизни / Пер. с нем. и англ. В. В. Бибикина. М.: Алетейя. С. 80–82.

щами люди расстаются легко через покупку новых, а с какими расстаться не могут и где, более того, вопрос о покупке новой или другой вещи может выглядеть как предательство или проявление несправедливости? Выработав специфический ряд понятий путем анализа интервью респондентов или обыденной классификации, мы сможем приблизиться к пределу напряжения ситуации, когда обоснования справедливости покупки новой вещи взамен старой перестают работать в пользу отказа или приостановки потребления. В этом отношении обоснование справедливости использовать привычную/старую/любимую вещь может послужить основанием для конструирования нового мира/града, способного конкурировать в обосновании справедливости с проектным (капиталистическим) градом. Такой подход поможет нам уйти от несостоятельности философской критики капитализма и сформировать новый град, способный конкурировать или вытеснить проектный капиталистический град, который побеждает все другие в обосновании справедливости на сегодняшний день. И когда я пишу о том, что предпочтительным в современной ситуации было бы понять условия интенсификации близости человека и вещи через формирование модуса приватного и собственности (в терминах Арендт) как родового места, где рождается и умирает вещь, то за этим построением стоят более простые вопросы: а многими ли вещами мы пользуемся сегодня до тех пор, пока они совсем не ломаются, не придут в полную негодность? Можно ли сегодня еще что-то «заслужать» или «заносить» до дыр? И если можно, то как сформировались такие особые отношения близости со стандартным товаром? Как товар становится вещью сегодня?

Быть может, ответы на эти вопросы помогут по-новому взглянуть на проблемы личности, дружбы, любви, солидарности.

Luc Boltanski and Laurent Thévenot's Sociology of "Worlds" and "Regimes of Engagement" with Capitalism

Ekaterina Naumova

Assistant, Institute of Philosophy, Saint-Petersburg State University

Address: Universitetskaya Emb., 7-9, Saint-Petersburg, Russian Federation 199034

E-mail: naumova11@inbox.ru

Review: *Kritika i obosnovanie spravedlivosti: ocherki sociologii gradov* [Critique and Justification of Justice: An Essays on the Sociology of Worlds] (Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2013) by Luc Boltanski and Laurent Thévenot (in Russian)